

УДК 316.4

doi: 10.20310/1819-8813-2018-13-104-98-104

СОЦИАЛЬНО-ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНЫХ ЭССЕ

ЗАЙЦЕВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ

Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: zaitsevd@bk.ru

КОРОГОДОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА

Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: n.korogodova@yandex.ru

СЕЛИВАНОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА

Саратовский государственный университет имени Г. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: juliaselivanova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00562А

Статья посвящена изучению социального отношения к событиям, происходящим в российском обществе в последние годы. Одни события становятся резонансными и «поднимают» всю страну, другие становятся фоновыми, при том, что по своей структуре, масштабу, содержанию они могут совпадать. Сегодня «конструирование» общественного происходит посредством средств массовой информации и социальных сетей, функционирующих, прежде всего, на базе мессенджеров (программ, мобильных приложений или веб-сервисов для мгновенного обмена сообщениями), активизировать значительные массы людей и управлять ими. Говоря об актуальности исследуемой проблематики авторы подчеркивают влияние информации на массы, делая их неуправляемыми и трансформируя в толпу, где высокая степень инклюзии, сплоченности достигается единством эмоций, общего психоэмоционального напряжения. В статье представлен критический дискурсивный анализ эссе студентов Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина о событии в Кемерово представителей молодежи (N = 150; девушки – 69, юноши – 81): личностное восприятие события, отношение к пострадавшим, к власти, критика акторов события, актуальность причин, взгляд в будущее. Студентам предлагалась минимальная структура эссе, ориентированная на выявление степени информированности о событии, понимания действий ключевых акторов, представлений о причинах трагедии. Анализ текстов был помещен в контекст социальной инклюзии и сплоченности как относительно традиционной основы межличностного и институционального взаимодействия в данных ситуациях. На основе критического дискурс анализа эссе студентов выделены психологические (состояние жертв, погибших детей, их родителей, чувство незащитности жителей города и России в целом) и экономические (коррупционность чиновников и халатность владельцев торгового центра) эффекты трагической ситуации, которая «подорвала» доверие населения к власти и показала высокую сплоченность и психологическую поддержку людей, готовность населения отстаивать свои права.

Ключевые слова: дискурс-анализ, общественный резонанс, социальная инклюзия, сплоченность, доверие

Введение

Социальное отношение к событиям, происходящим в российском обществе в последние годы, относительно динамично. Одни события становятся резонансными и «поднимают» всю страну, другие становятся фоновыми, притом, что по своей структуре, масштабу, содержанию они могут сов-

падать. К примеру, о крушении самолета Airbus A321 российской авиакомпании «Когалымавиа», разбившегося в Египте в 2015 г.; погибло 224 пассажира (включая членов экипажа), из них 24 ребенка (<https://gia.ru>), многие россияне даже не знали. Следственный комитет России причиной крушения указал «нарушение правил полетов и подго-

товки к ним». При этом, всероссийский и международный отклик вызвала трагедия в городе Кемерово, произошедшая 25 марта 2018 г., когда при пожаре в торговом центре «Зимняя вишня»; погибли 60 человек, из них 37 детей (<http://tass.ru>). В этом случае следственный комитет России указал в качестве причины «халатность сотрудников торгового центра». Соответственно, причины трагедий схожи.

«Конструирование» резонанса происходит сегодня посредством средств массовой информации и социальных сетей, функционирующих, прежде всего, на базе мессенджеров (программ, мобильных приложений или веб-сервисов для мгновенного обмена сообщениями). Именно «мгновенная коммуникация» позволяет оперативно активизировать значительные массы людей и управлять ими. Вброс любой информации о событии крайне быстро оказывает влияние на массы, делая их неуправляемыми и трансформируя в толпу, где высокая степень инклюзии, сплоченности достигается единством эмоций, общего психоэмоционального напряжения.

Для нас интересной стала возможность проанализировать мнение о событии в Кемерово представителей молодежи (N = 150; девушки – 69, юноши – 81): личностное восприятие события, отношение к пострадавшим, к власти, критика акторов события, актуальность причин, взгляд в будущее. Нами был осуществлен критический дискурсивный анализ эссе студентов СГТУ имени Ю. А. Гагарина. Студентам предлагалась минимальная структура эссе, ориентированная на выявление степени информированности о событии, понимания действий ключевых акторов, представлений о причинах трагедии.

Анализ текстов был помещен в контекст социальной инклюзии и сплоченности как относительно традиционной основы межличностного и институционального взаимодействия в данных ситуациях. Подобные трагедии обычно становятся катализатором социально-интеграционных и инклюзивных практик. При этом темпоральный период данных процессов может быть как кратким, так и длительным, но практически всегда характеризуется мультипликативным эффектом (изменении социокультурных, экономических и иных процессов). Обращение к дискурс-анализу эссе объясняется значительным потенциалом данных текстов в выражении личного мнения автора, особенно при его анонимности. Возрастной критерий построения выборки, ограниченный студенческой молодежью 18-20 лет, объясняется ее способностью высказывать незашоренное, высококритичное (в ряде слу-

чаев – нигилистическое) мнение, демонстрировать экспрессию. При этом, не имеет значение какую сферу представляет респондент – техническую (89 информантов) или социально-гуманитарную (61 информант).

Дискурс является сложным коммуникативным явлением, обладающим дифференциальными особенностями. Т. Ван Дейк, В. Кинч, Э. Харрис, У. Чейф, В. З. Демьянков, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, В. Лабов связывают их с продуктами речевого действия с присущей им смысловой однородностью, уместностью, привязанностью к конкретному контексту, определенной жанровой и идеологической принадлежностью. О. В. Александрова, Е. С. Кубрякова, В. В. Красных отождествляют дискурс с вербальной деятельностью и характерной ей соотносительностью с культурой, социальной общностью, определенным историческим периодом [1]. Ученые пишут, что дискурс представляет собой пространство времени, заполненное произнесением речевого произведения или же заполняемое его созданием [2].

Определение дискурса в качестве особого предмета исследования произошло в последней трети XX в., когда он стал трактоваться как «текст плюс ситуация» [3]. В это время окончательно формируются и активно развиваются несколько концепций и школ дискурс-анализа: французская школа (например, П. Анри, Ж. Куртин, М. Пеше); концепция речевых актов (например, П. Коул, Дж. Остин, Дж. Сёрль); теория конверсационного анализа (например, Э. Щеглов, Г. Джефферсон, Г. Сакс); Бирмингемская школа дискурсивного анализа (М. Кулхард, Дж. Синклер); социолингвистическое направление (например, У. Лабов, С. Эрвин-Трипп, Дж. Фишман); школа критического дискурс-анализа (например, Т. Ван Дейк, Р. Лаков) [4].

Текст, состоит из разных фракции, в которых зафиксированы различные типы знаний и отношений. В. фон Гумбольд определил три функции языка. Первая, когнитивная функция, состоит в описании факта, события. Следующая, экспрессивная, служит для описания эмоций, ощущений и побуждений. И третья, коммуникативная, используется для организации взаимопонимания или полемики [5]. Т. Ван Дейк определяет дискурс как комплексное коммуникативное событие/действие (речевое, письменное), происходящее между говорящим и слушающим, в определенном временном, пространственном и прочем контексте; в узком смысле дискурс понимается как устный или письменный текст с учетом присутствия одной вербальной составляющей [6]. Анализируя дискурс важно учитывать некоторые социальные факторы,

такие как, мнения и установки говорящих, их социальный статус, личностные особенности, чувства, эмоции [7]. Ю. Хабермас был первым, кто рассмотрел дискурс сквозь призму социологического аппарата как вида речевой коммуникации с учетом важных составляющих социальной жизни: общественных норм, правил, ценностей [5]. Тексты передают аспекты реальности особым образом, репрезентируют и отражают определенное видение реальности, они также играют огромную роль в самом конструировании и поддержке этой реальности [4].

Один из основоположников дискурсивного анализа, Т. ван Дейк, рассматривал дискурс как «корпус предписаний, правил, требований и их практического выражения в целях оценивания и наделяния смыслом социальных фактов, относящихся к определенному историческому периоду социальной общности» [4; 8]. Критический дискурс предполагает анализ взаимодействия между отдельными дискурсивными актами и ситуациями, институтами, социальными структурами [9], эти контексты создают и влияют на дискурс, также как и дискурс влияет на социальную и политическую реальность [5]. Дискурсивный анализ позволяет определить культуру как диалогичный процесс взаимодействия, как множество мнений, в котором происходит одновременное самоутверждение участников коммуникации; анализировать культуру в аспекте ее структурно-функционального и «повседневно-жизненного» устройства; рассмотреть культурные феномены как единство текста и контекста [4].

Описание ситуации.

Причины случившегося

В эссе большинства студентов прослеживается критика власти и владельцев Торгового центра «Зимняя вишня». В качестве самых распространенных версий произошедшего отмечается: халатность (12 %), короткое замыкание из-за протекающей крыши здания (10 %), не сработавшая система пожарной безопасности (11 %), поджог (6 %), террористический акт (5 %), нарушение техники безопасности (3 %), безответственность (3 %), а также коррупция (5 %) владельцев, служащих, чиновников, проверяющих пожарную безопасность. Двое написали, что за неделю до трагедии проводилась успешная проверка пожарной безопасности, при этом в СМИ появилась информация о неисправности пожарной безопасности, «охранник постоянно выключал сигнализацию и выключил ее в очередной раз».

Ряд информантов (5 %) считают, что причина пожара до сих пор остается не выясненной или намеренно скрывается властью. Примерно столько же отмечают наличие комплекса причин случившегося. В качестве оригинальных версий некото-

рые информанты указали: применение детьми зажигалки (1 студент), самовоспламенение (2), человеческий фактор (1), эгоцентризм (1). Треть респондентов причины не указали, а несколько человек отметили, что, по мнению иностранцев «это был преднамеренный антироссийский сценарий и акт Запада против общества, руководства России».

Девять человек выразили безразличие и отстраненность от трагедии, отметив, что их это мало интересует и никто от этого не застрахован.

В целом, большинство студентов демонстрирует высокую степень информированности о событии. В эссе отмечается, что вследствие произошедшего были заблокированы выходы и двери в кинозалы (42 %): «Дети оставались замурованными во время пожара» (28 %), «тряпками затыкали дверь, чтобы дым не проходил» (33 %).

Критически молодежь относится к официальным данным о числе погибших. Половина информантов не верят, что в трагедии погибло 64 человека и считают, что число жертв в разы больше. Также 8 человек упомянули о сгоревших заживо 300 животных.

Некоторые студенты пытались представить, что чувствовали жертвы и их близкие, описывали страдания и безысходность: «родители самостоятельно пытались пробраться в торговый центр и спасти детей», «сотрудники МЧС не пускали из соображения безопасности», «бедные дети звонили родным, прощались, говорили, что их сильно любят, что они задыхаются, им страшно, что они не могут открыть дверь». Четверо считают безответственным поведение родителей и сопровождающих лиц, которые «оставили детей в кинозалах, а сами пошли гулять по торговому центру».

Общество и трагедия

Ж. Бодрийяр писал, что информация, которую предоставляют радио и телевидение ... представляет принудительную схему, связанную с дезартикуляцией реального в последовательные и эквивалентные знаки. Р. Барт считал, что при анализе текстуального и визуального модусов новостного дискурса необходимо использовать модели знака и мифа; семиологическая система содержит – смысл, план содержания, форму, план выражения и знак как результат ассоциации означаемого и означающего. Ученый утверждал, что тексты обладают множеством смыслов и не сводятся ни к одному из них. Если знак первого уровня переходит в означающее, его изначальная история перестает быть, создается новая идеология, которая лишает миф контекстуальной привязки к реальности, перемещая его во внеисторический контекст [6].

Дж. Най в 1990 году ввел термин «мягкая сила», под которой понималось способность получать желаемое, убеждая других; подчинение через пропаганду определенных идей и ценностей. В ка-

честве такой «мягкой силы» [10]. У. Мид рассматривал СМИ, – как эффективный инструмент распространения информации, оказывающий влияния на общественные настроения и сознание [11]. А. Моль утверждал, что «Они фактически контролируют нашу культуру, ... выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую» [12]. Дж. Най назвал манипулированием такое воздействие на сознание граждан [13]. Дж. Маттерн говорил о «привлекательности» какой-то идеи как социологически сконструированной правде, которая заняла господствующее место в коммуникативном процессе [14]. В трех эссе отмечалось, что долгое время «СМИ, телевидение, пытались скрыть информацию о трагедии, занимая эфирное время проблемами Украины и Запада», «говорили о распушенной дезинформации, были просьбы не поддаваться на провокации». Студенты предполагают, что это делалось властью, чтобы не создавать паники в обществе. Студенты комментируют высказывания журналистов и телеведущих, которые «просто шокируют». В СМИ первое время были слухи, что «отсутствие информации о произошедшей трагедии было, потому что не хотели портить настроение после выборов Президента» (6 %). Такие высказывания, плюс недостаток информации только усугубили отношение народа к власти, «общество бушует и требует ответов от власти». Один из респондентов написал, что В. Соловьев в своей телепрограмме так высказал свое отношение к реакции населения на трагедию: «с народом, который вышел на улицы Кемерово разговаривать нельзя, это бешеный народ, который хочет свергнуть власть». Действительно, люди находились в отчаянии из-за отсутствия правдивой информации о числе жертв и причинах трагедии. В истории России стало традицией скрывать трагические события от народа. В Кемерово люди чувствовали себя незащищенными, были напуганы, подавлены и разозлены безответственностью и бездеятельностью властей: «в голове не укладывается, как такой случай реально произошел», пишет один студент. Другой отмечает: «общество раскололось на два лагеря – одни, приверженцы официальной версии о причинах и количестве жертв, другие (напрямую связанные с происшествием, родственники погибших, пострадавшие), считают, что жертв было больше». По мнению шестерых студентов некоторые люди делали пиар на трагедии – «в интернете появились видеоблоги, выступления пранкеров», «много было фейковой информации». Общество говорит об Игоре Вострикове, который потерял всю свою семью при пожаре в торговом центре. При этом «власти Кемерово обвинили его в пиаре

на трагедии, позже в СМИ появилась информация, что это придуманная им самим история» (5 %).

Данное событие вызвало широкий общественный резонанс. Российское «общество несколько дней пребывало в трауре» (30 %); «Это был шок для всего народа» (18 %); «пострадавшие чувствовали подавленность, незащищенность» (4 %); «все с себя скидывали ответственность» (7 %). Студенты пишут о смятении населения: «люди не знают кому верить» (10 %), «люди хотят знать правду» (20 %). Единственное, что поддержало людей – народная сплоченность – «в первые дни трагедии люди поняли, что могут рассчитывать только на себя» (50%). Семь человек считают, что «в таких ситуациях общество и власть должны быть едины». Во многих городах прошли мероприятия в поддержку пострадавших (16%), были созданы стихийные мемориалы не только в городах России, но и у российских посольств в других государствах (4 %).

Студенты подчеркивали обоснованность митингов в Кемерово против правительства города (11 %), требований отставки губернатора города из-за его равнодушия (33 %) – «не приехал на место пожара», «только через 4 дня вышел к народу», «извинился перед президентом, но не перед народом», «предложил владельцам ТЦ выплатить материальную компенсацию пострадавшим семьям». Семь человек отмечают необходимость, но незначительность материальной поддержки пострадавших государством в размере 1 млн. руб. При этом, студенты считают, что это должны быть средства не государства, а виновников трагедии.

Одного из студентов настолько глубоко тронула данная ситуация, что он написал стихи:

*«Трагедия! Смерть! Катастрофа!
Люди толпами гибнут! А вы?!
Кто ответит за это народу?!
Кто отмоеет все эти грехи?*

*По миллиону за каждое тело?
Откупиться решили?! Ну, что ж...
Молодцы вы конечно, но только,*

*Не подкупишь ты нас, не возьмешь!
Слишком много смертей на сегодня.
И в сердцах лишь вечно теперь
Двадцать пятое марта и слезы
Ни в чем невиновных детей»*

Н. Балицкий

Многие студенты считают, что такого количества жертв можно было избежать, «если бы работники и владельцы ТЦ были бы ответственными»

(8 %), «если бы наша власть относилась к своим гражданам как к людям, а не как к стаду ничего бы не случилось» (2 %). Пять человек считают, что «мы все виноваты в этом», «мы сами породили взяточничество, халатное отношение к своей профессиональной деятельности и безответственность». По мнению студентов, «российский менталитет таков, что пока жареный петух не клюнет, никто ничего делать не будет», «как всегда после случившегося несчастного случая», начались проверки торгово-развлекательных центров, которые закончились через неделю (4 %). После случившегося люди стали бояться посещать ТРЦ (10 %), стали задумываться, «что вокруг не все так безопасно» (1 %).

По мнению студентов вопросов осталось много: почему детей, находящихся в кинозалах заперли на ключ? почему охранник отключил сигнализацию? Почему спецслужбы (пожарные) недостаточно быстро отреагировали? и т. д. При этом, трое студентов выступили в защиту президента, ссылаясь на то, что «один человек не может уследить за всеми», что «виновны в этом только местные чиновники, поддерживающие коррупцию».

Подводя итог, 2/3 студентов (73 %) сформулировали в эссе предложения по предупреждению таких трагедий в будущем: «более ответственно относиться к безответственности людей и самим надо быть аккуратнее», «нужно добросовестно относиться к безопасности помещений, зданий, торговых центров, чтобы не было жертв», «единственное решение – ужесточить контроль государства», «решение проблемы – приход к власти людей, которые проследят и позаботятся о человеческой жизни, о братьях наших меньших», «грамотно проработать систему пожарной безопасности», «психологически подготовить граждан к поведению при катастрофах», «тщательнее проектировать помещения для детей, уделив внимание безопасности».

Выводы

Критический дискурс анализ эссе студентов позволил сделать следующие выводы о представлении студентов о трагедии, произошедшей в г. Кемерово весной этого года. Пожар в торговом центре «Зимняя вишня» стал всенародной трагедией, сплотившей людей. Студенты в своих текстах раскрывают психологические эффекты данной ситуации: состояние жертв, погибших детей, их родителей, жителей города и России в целом; насколько люди чувствовали себя незащищенными, обманутыми. Студенты пишут о мощной поддержке общества, которая была во всех городах России; о том, что поведение властей было расценено горожанами как безразличное, как бездействие и «предательство» власти. Рассматривая экономические эффекты, многие

ссылались на коррумпированность чиновников и халатность владельцев торгового центра, что, по мнению большинства, является характерной чертой россиян. В целом трагедия «подорвала» доверие населения к власти и показала высокую сплоченность и психологическую поддержку людей, которая, по словам студентов, «возникает, к сожалению, только в кризисных ситуациях». Трагедия в Кемерово продемонстрировала не только очередную пример сплоченности населения, но и его готовность отстаивать свои права. Однако, несмотря на резонанс, по истечении нескольких месяцев, можно увидеть, что социальный интерес к событию практически исчез. Это является для России, в отличие от Западной Европы, традиционным. Резкий всплеск активности социальных действий и такое же снижение через незначительный промежуток времени. Именно поэтому в России значимым выступает создание патриотически настроенных и социально ответственных вертикали власти и правоохранительной системы.

Литература

1. Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 163-168.
2. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Междунар. конф. М.: 1999.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
4. Кожемякин Е. А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. Федер. агентство по образованию, Белгор. гос. ун-т. Белгород :БелГУ, 2008.
5. Хилханова Э. В. Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ) // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2012. С. 136-139.
6. Ваньке А. В., Кулаев М. А. рабочие в дискурсе российских телеканалов и печатной прессы // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 126-132.
7. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса. 1998. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>.
8. Кожемякин Е. А. Дискурс в современной массовой коммуникации: статус и функции // Журналистика и медиаобразование-2007: сб. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 1-3 октября 2007 г.): в 2 т. Т. II / под ред. проф. М. Ю. Казак. Белгород: БелГУ, 2007.
9. Wodak R., de Cillia, R., Reisigl, M., & Liebhart, M. The Discursive Construction of National Identity. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

10. Nye Joseph S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004.

11. Mead Walter Russell. *Power, Terror, Peace and War: America's Grand Strategy in a World at Risk*, 2005.

12. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

13. Nye Joseph S. *A Public Diplomacy and Soft Power* // *The annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. URL: <http://ann.sagepub.com/cgi/reprint/616/1/94> (дата обращения: 20.06.2018).

14. Mattern Janice Bially. *Why Soft Power Is Not So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics* // *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 33. 2005. № 3. P. 583-612.

References

1. Temnova E. V. *Sovremennye podkhody k izucheniyu diskursa* [Modern approaches to studying of a discourse] // *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: Sb. statej / otv. red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. M.: MAKS Press, 2004. Vyp. 26. S. 163-168.*

2. Kubryakova E. S., Aleksandrova O. V. *O konturakh novej paradigmy znaniya v lingvistike* [About contours of a new paradigm of knowledge in linguistics] // *Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta. Doklady VII Mezhdunar. konf. M.: 1999.*

3. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Bases of the discourse theory]. M., 2003.

4. Kozhemyakin E. A. *Diskursnyj podkhod k izucheniyu institutsional'noj kul'tury* [Discursive approach to studying of institutional culture]. Feder. agentstvo po obrazovaniyu, Belgor. gos. un-t. Belgorod :BelGU, 2008.

5. Khilkhanova E. V. *Kriticheskij analiz diskursa: printsipy, metody i praktika (na primere diskursa SMI)* [Critical analysis of a discourse: the principles, methods and prac-

tics (on the example of a discourse of media)] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya*. 2012. S. 136-139.

6. Van'ke A. V., Kulaev M. A. *Rabochiye v diskurse rossijskikh telekanalov i pechatnoj pressy* [Workers in a discourse of the Russian TV channels and the print media] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2015. № 7. S. 126-132.

7. Van Dejk T. A. *K opredeleniyu diskursa* [To definition of a discourse]. 1998. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html>.

8. Kozhemyakin E. A. *Diskurs v sovremennoj massovoj kommunikatsii: status i funktsii* [Discourse in modern mass communication: status and functions] // *Zhurnalistika i mediaobrazovaniye-2007: sb. trudov II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Belgorod, 1-3 oktyabrya 2007 g.): v 2 t. T. II / pod red. prof. M. Yu. Kazak. Belgorod: BelGU, 2007.*

9. Wodak R., de Cillia, R., Reisigl, M., & Liebhart, M. *The Discursive Construction of National Identity*. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

10. Nye Joseph S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004.

11. Mead Walter Russell. *Power, Terror, Peace and War: America's Grand Strategy in a World at Risk*, 2005.

12. Mol' A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Culture sociodynamics]. M., 1973.

13. Nye Joseph S. *A Public Diplomacy and Soft Power* // *The annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. URL: <http://ann.sagepub.com/cgi/reprint/616/1/94> (дата обращения: 20.06.2018).

14. Mattern Janice Bially. *Why Soft Power Is Not So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics* // *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 33. 2005. № 3. P. 583-612.

* * *

SOCIAL AND INCLUSIVE POTENTIAL OF TRAGIC EVENTS: DISCOURSE-ANALYSIS OF YOUTH ESSAYS

ZAYTSEV DMITRY VIKTOROVICH

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov, the Russian Federation, e-mail: zaitsevd@bk.ru

KOROGODOVA NATALYA PETROVNA

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov, the Russian Federation, e-mail: n.korogodova@yandex.ru

SELIVANOVA YULIYA VIKTOROVNA

Saratov State University,
Saratov, the Russian Federation, e-mail: juliaselivanova@mail.ru

The research is executed with financial support of the Russian Federal
Property Fund within scientific project № 18-011-00562A

Authors devoted this article to studying of the social relation to the events happening in the Russian society in recent years. Some events become resonant and «lift» the whole country, others become background while on

the structure, the scale, content they can coincide. Today «designing» of public happens by means of mass media and social networks functioning, first of all, on the basis of messenger (programs, mobile applications or web services for instant exchange of messages), to make active the considerable mass of people and to operate them. Speaking about relevance of the studied perspective authors emphasized influence of information on masses, doing them uncontrollable and transforming to crowd where unity of emotions, the general psychoemotional pressure reach high degree of an inclusion, unity. In article authors presented the critical discursive analysis of the essay of students of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov about an event in Kemerovo of representatives of youth (N = 150; girls – 69, young men – 81): personal perception of an event, the attitude towards victims, to the power, criticism of actors of an event, relevance of the reasons, a prospection. Students were offered the minimum structure of the essay focused on identification of degree of knowledge of an event, understanding of actions of key actors, ideas of causes of the tragedy. The analysis of texts was in a context of a social inclusion and unity as rather traditional basis of interpersonal and institutional interaction in these situations. On the basis of critical discursive analysis of the students' essays authors marked out psychological (a condition of the victims, the died children, their parents, feeling of vulnerability of residents and Russia in general) and economic (corruption of officials and negligence of owners of shopping center) effects of a tragic situation which «undermined» confidence of the population to the power and showed high unity and psychological support of people, readiness of the population to assert the rights.

Key words: discourse analysis, public response, social inclusion, unity, trust

Об авторах:

Зайцев Дмитрий Викторович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина, г. Саратов

Корогодова Наталья Петровна, социолог НОРЦМИ, магистрант кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина, г. Саратов

Селиванова Юлия Викторовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики Саратовский государственный университет имени Г. Г. Чернышевского, г. Саратов

About the authors:

Zaytsev Dmitry Viktorovich, Doctor of Sociology, Professor of the Psychology and Applied Sociology Department, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov

Korogodova Natalya Petrovna, Sociologist of Scientific and Educational Regional Center for Monitoring Research, Applicant for Master's Degree of the Psychology and Applied Sociology Department, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov

Selivanova Yuliya Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Correctional Pedagogy Department, Saratov State University, Saratov